

ПЬЕР БУРДЬЕ

Как можно быть спортивным болельщиком?¹

Думаю, что без большого насилия над реальностью весь спектр спортивной деятельности и развлечений, предлагаемых социальным агентам, — регби, футбол, плавание, легкая атлетика, теннис, гольф и т.д. — можно считать *предложением*, направленным на удовлетворение *социального спроса*. При принятии такой модели возникают два типа вопросов. Во-первых, существует ли область производства, имеющая свою собственную логику и историю, в которой создаются «спортивные продукты», то есть мир спортивной деятельности и развлечений, социально реализованных и принятых в данный момент времени? Во-вторых, каковы социальные условия возможности усвоения различных «спортивных продуктов», которые производятся таким образом — игра в гольф, чтение *L'Équipe*, лыжные гонки или просмотр Кубка мира по телевизору? Иными словами, как создается спрос на «спортивные продукты», как люди приобретают «вкус» к спорту и отдают предпочтение одному виду спорта перед другим, независимо от того, являются они участниками или зрителями? Вопрос, конечно, требует ответа, если не предположить, что существует естественная потребность, одинаково широко распространенная во все времена, во всех местах и во всех социальных средах, не только в расходовании мышечной энергии, но, точнее, в той или иной форме напряжения. (Возьмем наиболее подходящую иллюстрацию тезиса о «естественной потребности»: известно, что плавание, которое большинство наставников считает самой необходимой спортивной деятельностью, принимая во внимание его важность для «выживания» и физические результаты, иногда попросту игнорировалось или отвергалось, например в средневековой Европе, и оно до сих пор насаждается посредством национальных «кам-

¹ Pierre Bourdieu, How Can One be a Sports Fan? In: During, S. (ed.) *Cultural Studies: A Reader*. London and New York: Routledge, 1993. Pp. 339–360.

паний»). Иначе говоря, согласно каким принципам агенты выбирают между различными видами спортивной деятельности и развлечений, которые в данный момент времени предлагаются им как возможные?

Производство предложения

Мне кажется, что сначала необходимо рассмотреть исторические и социальные условия возможности социального явления, которое мы слишком легко считаем само собой разумеющимся: «современного спорта». Иными словами, какие социальные условия сделали возможным создание системы институтов и агентов, прямо или косвенно связанных с существованием спортивной деятельности и развлечений? Эта система включает общественные или частные «спортивные ассоциации», задача которых состоит в представлении и защите интересов тех, кто занимается определенным видом спорта, и создании и введении стандартов, определяющих такую деятельность, производителей и продавцов товаров (инвентаря, снаряжения, специальной одежды и т. д.) и услуг, необходимых для занятия спортом (наставники, инструкторы, тренеры, спортивные врачи, спортивные журналисты и т. д.), а также производителей и продавцов спортивных развлечений и сопутствующих товаров (футболки, фотографии звезд и т. д.). Каким образом создавался этот корпус специалистов, живущих прямо или косвенно за счет спорта, к которому также принадлежат социологи и историки спорта, что, возможно, мешает постановке такого вопроса? А точнее, когда эта система агентов и институтов начала служить *полем конкуренции*, местом столкновения между агентами, имеющими особые интересы, связанные с их положением в этом поле? Если, как видно из моих вопросов, система институтов и агентов, чьи интересы связаны со спортом, действует как поле, то сущность спортивных явлений в данный момент времени и в данной социальной среде невозможно понять, напрямую связав их с экономическими и социальными условиями соответствующих обществ: история спорта — это относительно автономная история, которая, даже когда на ней сказываются крупные события экономической и социальной истории, имеет свое время, свои законы развития, свои кризисы, короче говоря, свою особую хронологию.

Одной из задач социальной истории спорта может быть заложение реальных основ легитимности социальной науки о спорте как *особом научном объекте* (который вовсе не самоочевиден) посредством определения того, с какого момента или, скорее, при каких социальных условиях действительно стало можно говорить о спорте (в отличие от простой игры в игры — значение, которое по-прежнему сохраняется в английском слове «спорт», но которого не существует в странах за пределами англосаксонского мира, где это слово появилось *одновременно* с радикально новыми социальными практиками, которые оно обозначало). Как эта область со своей особой логикой стала местом совершенно осо-

рых социальных практик, которые определялись в ходе особой истории и которые могут быть поняты только с точки зрения этой истории (то есть истории законов спорта или истории *рекордов* [*records*] — интересное слово, заставляющее вспомнить о вкладе, который внесли историки со своей задачей *регистрации* [*recording*] и прославления соответствующих достижений в создание поля и его эзотерической культуры)?

Генезис относительно автономной области производства и обращения спортивных продуктов

Кажется бесспорным, что переход от игр к спорту в строгом смысле слова произошел в образовательных учреждениях, предназначенных для «элит» буржуазного общества, — английских частных школах, где дети из семей аристократии или высшей буржуазии играли во многие *популярные*, или *вульгарные*, *игры*, одновременно изменяя их значение и назначение точно так же, как поле изучения музыки изменило народные танцы бурре, сарабанду, гавот и др., которые вошли в отдельные формы высокого искусства, например сюиту.

Вкратце характеризуя эту трансформацию, то есть ее *принцип*, можно сказать, что телесные упражнения «элиты» не связаны с обычными социальными обстоятельствами, с которыми народные игры сохраняли связь (сельскохозяйственные праздники, например), и лишены социальных (и *a fortiori* религиозных) задач, которые присутствовали во многих традиционных играх (например, ритуальных играх, проводившихся во многих докапиталистических обществах в связи с наиболее важными событиями сельскохозяйственного года). Школа, место *skhole*, досуга, является местом, где практики, наделенные социальными функциями и включенные в коллективный календарь, конвертируются в *телесные упражнения* — деятельность, которая является самоцелью, своего рода физическое искусство ради искусства, руководствующееся особыми правилами, все более несводимое к какой-либо функциональной потребности и включенное в особый календарь. Школа — это место *par excellence* того, что называют пустыми упражнениями, где индивид занимает отстраненную, нейтральную позицию по отношению к языку и социальному миру — точно такую же, которую предполагает буржуазное отношение к искусству, языку и телу: использование тела в гимнастике, как и использование языка в учебе, является самоцелью. (Это, конечно, объясняет, почему занятия спортом, частота которых заметно возрастает с ростом образовательного уровня, с возрастом, когда образовательный уровень становится достаточно высоким, постепенно идут на спад. Известно, что среди рабочего класса отказ от спорта — деятельности, чей игровой характер кажется особенно подходящим для подростков, — часто совпадает со вступлением в брак и принятием на себя обязательств зрелости.) В опыте и благодаря опыту школы, своеобразного ухода от мира и реальной практики, наиболее развитую форму которого

предлагают привилегированные частные школы для «элиты», приобретает страсть к бесцельной деятельности — основной аспект эта буржуазных «элит», которые всегда гордятся своей бесстрастностью и отстраненностью, проявляющейся в искусстве и спорте, от материальных интересов. «Честная игра» — это способ игры, характерный для тех, кто не увлекается игрой настолько, чтобы забыть, что это игра тех, кто сохраняет «ролевую дистанцию», по выражению Гоффмана, которая в конечном итоге означает роли, предназначенные для будущих лидеров.

Автономизация поля спорта также сопровождается *рационализацией*, призванной, по словам Вебера, гарантировать предсказуемость и надежность, несмотря на локальные различия и своеобразие: введение корпуса особых правил и специализированных руководящих органов, набираемых, по крайней мере поначалу, из бывших учеников привилегированных частных школ, идет рука об руку. Потребность в корпусе фиксированных, общеприменимых правил становится ощутимой с установлением спортивного «обмена» между различными образовательными учреждениями, затем между регионами и т. д. Относительная автономия поля спорта наиболее четко проявляется в способностях самоуправления и создания правил, основанных на исторической традиции или гарантированных государством, которое признает деятельность спортивных ассоциаций: эти органы наделяются правом устанавливать стандарты, определяющие участие в организуемых ими событиях, и они обладают дисциплинарной властью (запреты, взыскания и т. д.), чтобы гарантировать соблюдение особых правил, которые они устанавливают. Кроме того, они присваивают особые звания, например чемпионские, и, как в Англии, статус тренера.

Создание поля спортивных практик связано с развитием философии спорта, которая неизбежно является *политической* философией спорта. Теория любительства — это на самом деле один из аспектов аристократической философии спорта как незаинтересованной практики, бесцельного действия, аналогичного художественной практике, но еще более подходящего, чем искусство (в искусстве всегда присутствует что-то остаточное женское: вспомним игру на пианино и акварели благородных девиц того же времени), для проявления мужских качеств будущих лидеров: считается, что спорт воспитывает смелость и мужество, формирует характер и прививает волю к победе, которой отличается настоящий лидер, но волю к победе по правилам. Это и есть честная игра, свойственная, как принято считать, аристократам, в отличие от плебейского стремления к победе любой ценой. В этом споре, выходящем далеко за пределы спорта, на кону, как мне кажется, стоит определение буржуазного образования, которое заметно отличается от мелкобуржуазного и академического: оно означает энергию, смелость, силу воли — качества лидеров (военных или промышленных) — и, возможно, прежде всего личную инициативу, (частную) предприимчивость, в отличие от знаний, эрудиции, «ученической» смиренности, символизируемой школьными

корпусами и их учениками, и т. д. Короче говоря, не стоит забывать, что современное определение спорта является составляющей «морально-го идеала» или этоса господствующих фракций господствующего класса, который сложился в крупных частных школах, предназначенных главным образом для детей глав частной промышленности, например *École des Roches*, образцовой реализации этого идеала. Признать большую ценность *воспитания* перед *обучением*, *характера* или *силы воли* перед *знаниями*, *спорта* перед *культурой* — значит подтверждать (в самом мире образования) существование иерархии, несводимой к школьной иерархии, которая отдает предпочтение второму члену в этих противопоставлениях. Это означает своеобразную дисквалификацию или дискредитацию ценностей, признаваемых другими фракциями господствующего класса или другими классами (особенно интеллектуальными фракциями мелкой буржуазии и детей школьных учителей, которые бросают серьезный вызов детям буржуазии в области чисто схоластических знаний); это означает выдвигание на передний план иных критериев достижений и иных принципов легитимации достижений, отличных от академических достижений. Прославление спорта как основного средства воспитания характера и т. п. всегда предполагает некоторый антиинтеллектуализм. Помня о том, что господствующие фракции господствующего класса всегда склонны понимать свое отношение к подчиненной фракции — интеллектуалам, творческим людям, профессорам — в терминах оппозиции мужского и женского, мужественного и женственного, содержание которых меняется в зависимости от эпохи (например, сегодня — короткие / длинные волосы; экономико-политическая культура / художественно-литературная культура и т. д.), становится понятным одно из наиболее важных следствий прославления спорта вообще и «мужских» видов спорта, наподобие регби, в частности: спорт, как и любая другая практика, является объектом борьбы между фракциями господствующего класса и между социальными классами.

Здесь следует подчеркнуть, что *социальное определение спорта* является объектом борьбы, что поле спортивных практик — это область борьбы, в которой на кону среди прочего стоит монополярная возможность навязывать легитимное определение спортивной практики и легитимную функцию спортивной деятельности — любительский / профессиональный спорт, участие в спортивных состязаниях / наблюдение за ними, особый (элитарный) спорт / популярный (массовый) спорт; что это поле само по себе является частью более широкого поля борьбы за определение *легитимного тела* и *легитимного использования тела*, борьбы, которая, помимо сил, непосредственно принимающих участие в этой борьбе за определение спортивного использования тела, также вовлекает моралистов и особенно духовенство, врачей (особенно специалистов по здоровью), наставников в самом широком смысле слова (брачных консультантов и т. д.), законодателей моды и вкуса (кутюрье и т. д.). Необходимо понять, присутствует ли в борьбе монополярной власти навязывать легитимное

определение особого *класса* использования тела, спортивного использования какие-то *инвариантные* черты. В качестве примера здесь можно привести оппозицию с точки зрения определения легитимной практики между профессионалами в физическом воспитании (преподаватели гимнастики и т.д.) и врачами, то есть между двумя формами особого *авторитета* (педагогического и научного), связанную с двумя видами *особого капитала*; или повторяющуюся оппозицию между двумя антагонистическими философиями использования тела: одной — более аскетической (*askesis* = воспитание), которая в парадоксальном словосочетании *culture physique* («физическая культура») делает акцент на культуре, *antiphysis*, антиприроде, исправлении, правильности, усилении, и другой — более гедонистической, которая ценит природу, *physis*, сводя культуру к телу, физическую культуру к некоему *laissez-faire* или возвращению к *laissez-faire* в духе *expression corporelle* («телесное выражение» — «антигимнастика»), которое призывает своих приверженцев отбросить поверхностную дисциплину и ограничения, налагаемые среди прочего обычной гимнастикой.

Поскольку относительная автономия поля телесных практик по определению предполагает относительную зависимость, развитие в этом поле практик всегда ориентировано на тот или иной полюс, аскетизм или гедонизм и всегда зависит от состояния властных отношений в поле борьбы за монопольное определение легитимного тела и — шире — в области борьбы между фракциями господствующего класса и между социальными классами за мораль. Поэтому развитие всего, что отсылает к «телесному выражению», может быть понято в связи с развитием — например, в отношениях родителя и ребенка и вообще во всем, что касается педагогики, — новой разновидности буржуазной морали, проповедуемой определенными восходящими фракциями буржуазии (и мелкой буржуазии) и выступающей за либерализм в воспитании детей и в иерархических отношениях и сексуальности вместо аскетической суровости (осуждаемой за «репрессивность»).

Этап популяризации

Этот первый этап, который кажется мне определяющим, необходимо было описать прежде всего потому, что в структуре поля, которое все же крайне разнообразно, спорт по-прежнему несет на себе следы своего происхождения. Сокрытию истинной природы все большего количества спортивных практик способствует не только аристократическая идеология спорта как незаинтересованной, бесцельной деятельности, которая сохраняется в ритуальных темах превозносящего дискурса. Но и практики спорта, такие как теннис, верховая езда, парусный спорт или гольф, отчасти обязаны интересом к ним — сегодня, как и в начале, — своим отличительным функциям, а точнее, *выгодами*, которые такое отличие приносит (не случайно большинство самых элитарных клубов организовано вокруг спортивной деятельности, которая

служит фокусом или предпосылкой для собраний избранной публики). Мы даже можем увидеть, что особая выгода растет, когда различие между благородными — особыми и выдающимися — практиками, например «изящными» видами спорта, и «вульгарными» практиками, возникшими в результате популяризации видов спорта, которые первоначально предназначались для «элиты», например футбол (и в меньшей степени регби — игры, которая, возможно, будет сохранять какое-то время двойственный статус и двойственный социальный отбор участников), сочетается с еще более острой оппозицией между занятием спортом и простым потреблением спортивных развлечений. Мы знаем, что вероятность занятия спортом после юности (и *a fortiori* после ранней зрелости или в старости) заметно снижается при движении вниз по социальной иерархии (как и вероятность принадлежности к спортивному клубу), а вероятность просмотра считающихся наиболее популярными спортивных состязаний, например футбола или регби, по телевидению (посещение стадиона зрителями подчиняется более сложным законам) заметно снижается при движении вверх по социальной иерархии.

Итак, помня о важности занятия спортом — особенно командными видами спорта, наподобие футбола, — для подростков из рабочего класса и низших слоев среднего класса, нельзя забывать и том, что так называемые популярные виды спорта — велосипедный спорт, футбол или регби — функционируют *также* как зрелища (которые отчасти могут быть обязаны интересом к себе воображаемому участию, основанному на прошлом опыте реальных практик). Они популярны (*popular*), но в том смысле, в каком это прилагательное применяется к материальным или культурным продуктам массового производства, машинам, мебели или песням. Короче говоря, спорт, возникший на основе действительно народных (*popular*) игр, то есть игр, созданных народом, возвращается к народу, подобно народной музыке, в виде зрелищ, созданных для народа. Можно заметить, что спорт как зрелище оказывается массовым товаром и организацией спортивных развлечений, одной из ветвей шоу-бизнеса (между профессиональным боксом или ледовыми шоу и множеством спортивных событий, которые считаются легитимными, например различных европейских футбольных чемпионатов или лыжных соревнований, существует различие в степени, но не в сути), если ценность коллективного одобрения занятия спортом (особенно теперь, когда спортивные состязания становятся критерием относительно национальной силы и, следовательно, политической целью) не помогает скрыть разрыв между практикой и потреблением и, следовательно, функциями просто пассивного потребления.

Можно заметить, что некоторые недавние события в спортивных практиках несколько не согласуются с описанным мною развитием. Можно, в частности, вспомнить, что некоторые виды спорта, наподобие регби во Франции (то же касается и американского футбола в США), благодаря телевидению стали массовым зрелищем, выходящим далеко за преде-

лы круга нынешних или прошлых «участников», то есть публики, которая не имеет достаточных знаний, необходимых для правильного понимания этого зрелища. «Знатоки» имеют схемы восприятия и оценки, позволяющие видеть то, что не видно неспециалисту, замечать необходимость там, где посторонний наблюдатель видит только насилие и неразбериху, и находить в ловкости движений, в непредвиденной неминуемости успешной комбинации или почти невероятном согласовании командной стратегии не менее интенсивное и требующее не менее глубоких знаний удовольствие, чем то, которое получает любитель музыки от особенно успешного исполнения любимого произведения. Чем более поверхностным оказывается восприятие, тем меньше оно находит удовольствия в зрелище, наблюдаемом в себе и для себя, и тем больше оно стремится к «сенсационному», культу очевидных достижений и зримой виртуозности и, прежде всего, больше внимания уделяет другому измерению спортивного зрелища, напряжению и беспокойству насчет исхода, тем самым поощряя игроков и особенно организаторов стремиться к победе любой ценой. Иными словами, все, по-видимому, свидетельствует о том, что в спорте, как и в музыке, расширение публики за пределы круга любителей способствует укреплению господства чистых профессионалов.

На самом деле, прежде чем перейти к дальнейшему анализу последствий, нам нужно попытаться более внимательно проанализировать причины превращения спорта как элитарной практики, предназначенной для любителей, в спорт как зрелище, создаваемое профессионалами для потребления массами. Недостаточно сослаться на относительно автономную логику поля производства спортивных товаров и услуг или, точнее, развитие в этом поле индустрии спортивных развлечений, которая, будучи подчиненной законам прибыли, направлена на максимизацию своей эффективности при минимизации рисков. (Это ведет, в частности, к потребности в специализированном исполнительском персонале и техниках научного управления, которые позволяют рационально организовать тренировку и обслуживание физического капитала профессиональных игроков: можно вспомнить, например, американский футбол, в котором бригада тренеров, врачей и специалистов по связям с общественностью превышает по численности команду игроков и почти всегда выполняет посреднические функции в отношениях с индустрией спортивного инвентаря и аксессуаров.)

В реальности развитие самой спортивной деятельности, даже среди молодежи из рабочего класса, несомненно, частично вытекает из того факта, что спорт был призван выполнять во многом те же задачи, которые обусловили его *изобретение* в английских частных школах в конце XIX века. Даже когда, в соответствии с викторианской верой, они считали спорт средством «улучшения характера», частные школы, «тотальные институты» в гоффмановском смысле слова, которые должны были выполнять свои надзорные задачи двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, считали спорт «средством заполнения времени», эко-

номическим способом занятия подростков, за которых они постоянно несли ответственность. Когда ученики находятся на спортивном поле, за ними легко следить, они занимаются полезной для здоровья деятельностью и срывают свою злость друг на друга, а не разрушают здания или пререкаются со своими учителями; именно поэтому Ян Вейберг делает вывод о том, что «организованный спорт существует так же долго, как и частные школы». Поэтому невозможно понять популяризацию спорта и рост спортивных ассоциаций, которые, несмотря на изначально *добровольные* принципы организации, постепенно получали признание и поддержку со стороны общественных организаций, если не осознать, что эти *крайне экономические* средства мобилизации, обеспечения занятости и контроля за подростками должны были стать инструментом и целью в борьбе между всеми институтами, полностью или частично организованными с прицелом на мобилизацию и символическое завоевание масс и, следовательно, соперничество за символическое завоевание молодежи. Сюда, конечно, входят различные партии, профсоюзы, церкви, а также патерналистские боссы, которые, чтобы гарантировать *полное и постоянное сдерживание* работающего населения, создавали для своих работников не только больницы и школы, но и стадионы и другие спортивные учреждения (множество спортивных клубов было создано при помощи и под контролем частных работодателей: многие стадионы сегодня названы в их честь). Известно, что на самых различных уровнях идет неослабевающее соперничество по вопросам о спорте — от деревни (соперничество между светскими или религиозными клубами или — не так давно — спорами за приоритет, отдаваемый спортивным учреждениям, который является одной из важнейших проблем политической борьбы на муниципальном уровне) до нации в целом (например, противостояние между *Fédération du Sport de France*, контролируемой католической церковью, и *Fédération Sportive et Gymnique du Travail*, контролируемой левыми партиями). И в ситуации все большего скрытого государственного признания и роста субсидий и кажущейся нейтральности спортивных организаций и их представителей спорт является объектом политической борьбы. Это соперничество — один из наиболее важных факторов в развитии социальной, то есть социально созданной, потребности в спортивных практиках и соответствующей экипировке, инвентаре, персонале и услугах. Это насаждение потребностей в спорте наиболее очевидно в сельских областях, где появление спортивных площадок и команд как молодежных клубов, так и клубов для более взрослых граждан сегодня почти всегда является результатом работы сельской мелкой буржуазии или буржуазии, которая находит здесь возможность навязать свои политические услуги по организации и руководству и накопить или сохранить политический капитал и известность, которые всегда можно конвертировать в политическую власть.

Считается само собой разумеющимся, что популяризация спорта — от элитарных школ (где его место теперь оспаривается «интеллектуаль-

ными» устремлениями, навязываемыми требованиями обострившейся социальной конкуренции) к массовым спортивным ассоциациям — неизбежно сопровождается изменением значения, которое спортсмены и их организаторы придают этой практике, а также трансформацией самой логики спортивных практик, которая соответствует трансформации ожиданий и потребностей публики, коррелирующей с растущей автономией зрелища по отношению к прошлой или нынешней практике. Превозношение мужественности и культ командного духа, которые связаны с игрой в регби, не говоря уже об аристократическом идеале честной игры, имеют совершенно разное значение и функцию для буржуазных или аристократических подростков в английских частных школах и для детей крестьян или владельцев магазинов на юго-западе Франции. Это объясняется, например, тем, что спортивная карьера, которая не считается приемлемым будущим для детей буржуазии, за исключением тенниса и гольфа, служит одним из немногих каналов вертикальной мобильности, открытых для детей из подчиненных классов; спортивный рынок точно так же относится к физическому капиталу юношей, как и система конкурсов красоты и занятия, которые они создают (эскорт-услуги и т.д.), к физическому капиталу девушек. И конечно, культ спортсменов-выходцев из рабочих семей, распространенный среди рабочего класса, отчасти объясняется тем фактом, что эти истории успеха символизируют единственный признанный путь к богатству и славе. Все это говорит о том, что интересы и значение, которое придают представители рабочего и низших слоев среднего класса спорту, вполне согласуются с требованиями *профессионализации* (которые, конечно, могут сосуществовать с проявлениями любительства) и рационализации подготовки и проведения спортивных состязаний, определяемых стремлением к максимальной особой эффективности (оцениваемой в победах, титулах или рекордах) в сочетании с минимизацией рисков (которые, как мы видели, сами связаны с развитием частной или государственной индустрии спортивных развлечений).

Логика спроса: спортивные практики и развлечения в единстве жизненных стилей

И здесь предложение, то есть особое определение занятий спортом и спортивных развлечений, которое выходит сегодня на передний план, встречается со спросом, то есть ожиданиями, интересами и ценностями, которые агенты приносят в поле, с действительными практиками и развлечениями, ведущими в результате к постоянному противостоянию и притирке обеих составляющих. Конечно, каждый новый участник должен учитывать существующее состояние разделения спортивной деятельности и развлечений и их распределение между социальными классами, состояние, которое он не может изменить и которое является результатом всей предшествующей истории борьбы и сопер-

ничества между агентами и институтами, действующими на «спортивном поле». Так, появление нового вида спорта или нового способа занятия уже сложившимся видом спорта (например «изобретение» кроля Тредженом в 1893 году) вызывает реструктуризацию пространства спортивных практик и более или менее полное переопределение значения, связанного с различными практиками. Но хотя здесь, как и везде, поле производства способствует созданию потребности в его продуктах, тем не менее логику, посредством которой агенты склоняются к той или иной спортивной практике, невозможно понять, если их отношение к спорту, которое само по себе является одним из аспектов *особого отношения к телу*, заново вводится в единство системы отношений, габитуса, составляющего основу, на которой складываются жизненные стили. Было бы большой ошибкой пытаться изучать спортивные практики (возможно, больше, чем любые другие практики, поскольку их основой и объектом является тело, синтезирующий агент *par excellence*, который интегрирует все, что он поглощает), не поместив их в мир практик, которые связаны с ними, потому что их общим истоком является система вкусов и предпочтений, то есть классовый габитус (например, можно без труда показать гомологию между отношением к телу и отношением к языку, характерным для класса или фракции класса). Поскольку «тело-для-других» является зримым проявлением личности, идеи, которой он хочет посвятить себя, его характера, то есть ценностей и способностей, спортивные практики, направленные на формирование тела, являются осуществлениями среди прочего эстетики и этики в практическом состоянии. Норма осанки, например прямота («встаньте прямо!»), имеет, как и прямой взгляд или короткая стрижка, функцию символизации всего набора моральных (честность, прямота, достоинство: открытое противоборство лицом к лицу как выражение признания) и физических (сила, смелость, здоровье) «добродетелей».

Способность объяснительной модели прояснить распределение спортивных практик между классами и фракциями классов должна учитывать положительные или отрицательные детерминирующие факторы, наиболее важными из которых являются *свободное время* (видоизмененная форма экономического капитала), *экономический капитал* (более или менее важный в зависимости от вида спорта) и *культурный капитал* (опять-таки более или менее необходимый, в зависимости от вида спорта). Но такой модели не удастся ухватить самое главное, если она не станет учитывать различия в значении и функциях, придаваемых различным практикам различными классами и фракциями классов. Иными словами, сталкиваясь с распределением различных спортивных практик в социальном классе, необходимо уделять как можно больше внимания различиям в значении и функциях, придаваемых различным видам спорта различными социальными классами, а также различиям в интенсивности статистических отношений между различными практиками и различными социальными классами.

Нетрудно было бы показать, что среди различных социальных классов нет согласия относительно последствий, ожидаемых от телесных упражнений снаружи (телесный гексис), например зримая сила больших мышц, которые предпочитают одни, или элегантность, простота и красота, ценимые другими, или внутри (здоровье, психическое равновесие и т. д.) тела. Иначе говоря, классовые различия в этих практиках вытекают не только из различий в факторах, которые делают возможным или невозможным покрытие соответствующих *экономических или культурных издержек*, но также из *различий в восприятии и оценке непосредственной или отсроченной выгоды*, связанной с различными спортивными практиками. (В этой связи можно заметить, что специалисты могут пользоваться особым авторитетом благодаря возможности легитимного восприятия и оценки, в отличие от восприятий и оценок, структурированных отношениями классового габитуса. Можно вспомнить национальные кампании по насаждению определенного вида спорта, например плавания, которые единодушно одобрялись специалистами на основании их чисто «технических» функций, тем, кто «не способен увидеть пользу от этого».) Что касается действительно воспринимаемой выгоды, Жак Дефранс убедительно показывает, что гимнастика может служить созданию либо сильного тела (спрос рабочего класса, который удовлетворяется бодибилдингом), либо здорового тела (спрос буржуазии, который удовлетворяется гимнастикой или другими видами спорта, преследующими гигиенические цели).

Но это еще не все: классовый габитус определяет значение, придаваемое спортивной деятельности, выгоды, ожидаемые от нее; и не последнее место среди этих выгод занимает социальная ценность, которая извлекается из занятия определенными видами спорта вследствие особой редкости, обусловленной классовым распределением. Короче говоря, к собственно выгоде (реальной или воображаемой — большого значения не имеет: реальной в смысле реально ожидаемой в форме веры), которая ожидается от спорта для самого тела, необходимо добавить социальную выгоду, извлекаемую из любой особой практики, которая совершенно по-разному воспринимается и оценивается различными классами (и для которых она совершенно по-разному доступна). Можно заметить, например, что, помимо своих собственно укрепляющих здоровье функций, гольф, как и икра, фуа-гра или виски, имеет *распределительную значимость* (значение, которое практики приобретают в результате своего распределения между агентами, принадлежащими к различным социальным классам) или что поднятие тяжестей, призванное развивать мышцы, долгое время, особенно во Франции, было любимым спортом рабочего класса. Не случайно организаторы Олимпийских игр так затягивали с официальным признанием тяжелой атлетики, которая в глазах аристократических основателей современного спорта символизировала голую силу, брутальность и интеллектуальную бедность — короче говоря, рабочие классы.

Можно попытаться объяснить распределение этих практик между классами и фракциями классов. Вероятность занятия различными видами спорта зависит, в различной степени для каждого вида спорта, во-первых, от экономического капитала и, во-вторых, от культурного капитала и свободного времени; она также зависит от близости этических и эстетических взглядов, характерных для каждого класса или фракции класса, и объективного потенциала этических и эстетических достижений, содержащегося в каждом виде спорта. Связь между различными видами спорта и возрастом оказывается более сложной, поскольку она определяется только — посредством интенсивности необходимых физических усилий и отношения к этим усилиям, которое является одним из аспектов классового этоса, — в отношениях между спортом и классом. Наиболее важное отличие популярных видов спорта заключается в том, что они молчаливо ассоциируются с молодостью, которая стихийно наделяется своеобразными *временными правами*, выражающимися среди прочего в растрате избытка физической (и сексуальной) энергии и очень рано отбираемыми (обычно при вхождении во взрослую жизнь, отмеченную браком). Напротив, «буржуазные» виды спорта, которыми занимаются в основном для поддержания физической формы и приносимой ими социальной выгоды, отличаются тем, что их возрастной предел лежит намного дальше молодости и, возможно, тем дальше, чем престижнее и привилегированнее данный вид спорта (например, гольф). Это означает, что вероятность занятия теми видами спорта, которые, так как они требуют только физических качеств и телесных данных (здесь возможности раннего обучения, по-видимому, распределены достаточно равномерно), несомненно, одинаково доступны в том, что касается свободного времени, а также имеющейся физической энергии, скорее всего, будет расти по мере роста в социальной иерархии, если забота об отличии и отсутствие этико-эстетической привязанности или «вкуса» к ним не оттолкнет членов господствующего класса в соответствии с логикой, наблюдавшейся в других областях (фотография, например). Так, большинство командных видов спорта — баскетбол, гандбол, регби, футбол, — широко распространенных среди офисных работников, специалистов и владельцев магазинов, и, несомненно, большинство типично рабочих индивидуальных видов спорта, таких как бокс или борьба, имеют все основания быть отвергнутыми высшими классами. Социальный состав публики подчеркивает вульгарность этих видов спорта, вытекающую из их популяризации, заявленных ценностей и добродетелей (сила, выносливость, склонность к насилию, дух самопожертвования, послушание и подчинение коллективной дисциплине, полная противоположность «ролевой дистанции», предполагаемой буржуазными ролями, и т.д.), превозношения соперничества и борьбы и т.д. Для понимания того, как наиболее рафинированные виды спорта, например гольф, верховая езда, лыжи или теннис, или даже несколько менее элитарные виды спорта наподобие гимнастики или альпинизма распределя-

ются между социальными классами и особенно между фракциями господствующего класса, обращения к одним только различиям в экономическом и культурном капитале или свободном времени оказывается недостаточно. Во-первых, потому что в этом случае не учитывается, что, помимо экономических препятствий, существуют неявные условия для занятия определенным видом спорта, например семейные традиции и ранние тренировки, а также обязательная одежда, воспитание и техники общения, которые позволяют сохранить закрытость этих видов спорта для рабочих классов и выходцев из низших и даже высших слоев среднего класса. И, во-вторых, потому что экономические ограничения определяют область возможного и невозможного, но не определяют в ней положительную ориентацию агента на ту или иную особую форму практики. В реальности, несмотря на стремление к отличию, отношение к своему телу, основная особенность габитуса, отличающая рабочие классы от привилегированных классов, ведет к выделению среди последних фракций, имеющих свои особые жизненные стили. С одной стороны, существует *инструментальное* отношение к телу, которое рабочие классы выражают во всех практиках, ориентированных на тело, будь то диета или забота о красоте, отношение к болезням или лечению, и которое также проявляется в выборе видов спорта, требующих значительной траты сил — иногда боли и страданий (например, бокс), а иногда *игры с самим телом* (как в мотогонках, прыжках с парашютом, всех видах акробатики и в каком-то смысле всех видах спорта, связанных с борьбой, куда можно отнести и регби). С другой стороны, привилегированные классы склонны считать тело *самоцелью* — различия касаются того, делается акцент на внутреннем функционировании тела как организма, что ведет к вегетарианскому культу здоровья, или на внешнем облике тела как воспринимаемой конфигурации, внешнем виде, то есть «теле-для-других». Все, по-видимому, свидетельствует о том, что забота о совершенствовании своего тела в своей наиболее элементарной форме — культуре здоровья — зачастую предполагает аскетическое превозношение умеренности и диетической строгости среди низших слоев среднего класса, то есть среди младших исполнителей, медицинских работников и особенно учителей начальной школы, которые особенно часто занимаются гимнастикой, аскетическим видом спорта *par excellence*, поскольку она означает своего рода тренировку (*askesis*) ради тренировки.

Гимнастика или четко ориентированные на здоровье виды спорта наподобие ходьбы или бега трусцой, которые, в отличие от игр с мячом, не предлагают никакого соревновательного удовлетворения, являются крайне рациональной или рационализированной деятельностью. Это объясняется как тем, что они предполагают непоколебимую веру в разум и в отсроченную и зачастую неосязаемую выгоду, которую обещает разум (например, замедление старения, абстрактное и негативное преимущество, которое существует только благодаря отсылке к совершенно теоретическому референту), так и тем, что они вообще приобретают значе-

ние только благодаря отсылке к совершенно теоретическому, абстрактному знанию о последствиях упражнений, которые сами по себе часто сводятся, как в гимнастике, к ряду абстрактных движений, разлагаемых и преобразуемых с отсылкой к особой и специально определенной цели (например, «брюшной пресс») и противопоставляемых тотальному движению повседневных ситуаций, ориентированных на практические цели точно так же, как строевая подготовка, разлагаемая на элементарные движения в руководстве у старшины, противопоставляется обычной ходьбе. Таким образом, понятно, что эта деятельность может быть укоренена только в аскетической установке вертикально мобильных индивидов, которые готовы находить удовлетворение в самом усилии и принимать — таково все значение их существования — отсроченное удовлетворение, которое станет наградой за нынешнюю жертву.

В таких видах спорта, как альпинизм (или — в меньшей степени — туризм), которые наиболее распространены среди учителей средней школы и университетских преподавателей, задача поддержания здоровья сочетается со всеми символическими удовольствиями, связанными с занятием совершенно особой деятельностью. Это дает острое ощущение владения собственным телом, а также свободы и исключительного наслаждения пейзажем, недоступного черни. На самом деле функции обеспечения здоровья всегда так или иначе связаны с тем, что можно назвать эстетическими функциями (особенно, при прочих равных, у женщин, которые более настоятельно требуют подчинения нормам, определяющим, каким должно быть тело не только в его воспринимаемой форме, но и в его движении, его походке и т. д.). Несомненно, среди профессионалов и преуспевающей буржуазии эстетические функции и функции обеспечения здоровья сочетаются с социальными функциями; здесь спорт занимает свое место наряду с комнатными играми и социальными обменами (приемы, обеды и пр.), среди неоправданной и незаинтересованной деятельности, которая позволяет накапливать социальный капитал. Об этом свидетельствует тот факт, что — в крайней форме, которую оно принимает в гольфе, стрельбе и поло в элитарных клубах, — спортивная деятельность служит простым предлогом для осуществления встреч с нужными людьми или, иначе говоря, техникой социального взаимодействия наподобие бриджа или танцев. Помимо своих социализирующих функций, танцы из всех видов социального использования тела служат наиболее полным отражением буржуазного использования тела, считая его знаком, знаком легкости и беззаботности, то есть мастерства: если этот способ владения телом наиболее успешно подтверждается в танцах, то это, возможно, потому, что он узнается прежде всего по своему *темпу*, то есть размеренной, самоуверенной неторопливости, которая также характерна для буржуазного использования языка в отличие от отрывистой речи рабочего класса и пылкой у мелкой буржуазии.

Перевод с английского Артема Смирнова